

Вторая Жизнь Евгения Онегина: Детство и Отрочество

(повесть в стихах)

1.

Друзья мои, настало время
Известный образ воскресить.
И матери святое бремя
Пора уж с миром разделить.
Быть может, перевоплощенье,
Души и тела возрожденье
Для многих сказка иль мечта.

Но для меня она всегда
Была и верой и надеждой
На то, что весь я не умру,
Что сам себя переживу,
Что в мир вернусь (хотя не прежний) -
Не прежний мир, и я другой,
Но ощущая, что живой.

2.

Горит восток зарёю новой.
Век Пушкина забыт давно.
Властитель дум рукой суровой
построил всех в одно звено.
"Теперь мы винтики и гайки.
Нам не нужны поэта байки.
Идём в одном строю шаг в шаг.
А кто не с нами - тот в гулаг",-
Так думал молодой Онегин,
Страны советской пионер.
Он всем ребятам был в пример:
Учась блестяще - словно гений,
Охотно помогал другим
И был поэтому любим.

3.

Он отдыхал душою в школе.
Он чувствовал себя как бог,
Как царь на золотом престоле,
Которого никто не мог
С престола сбросить и унижить
И растоптать в кровавой слизи.
Никто другой так не умел
Решить задачу между дел,
Порассуждать о Пифагоре,
Умножить, поделить, отнять,
Иль теорему доказать,
Или стихи прочесть о море,
Иль физики закон любой
Ответить лихо пред доской.

4.

Онегин был героем в классе.
Но за пределами его,
В людской толпе, в гудящей массе
Он превращался в ни во что:
В песчинку, что швыряет морем
От мыса Злобы к мысу Горя -

Она не тонет, не плавёт,
Не умирает, не живёт.
Ни мускулами, ни ростом он
Похвастаться не мог (увы!)
И потому в глазах шпаны
Он был судьбою обречён
На муки тела и души,
Когда все средства хороши.

5.

Он был особенно ранимый,
и муки были тем сильнее,
Что он не мог не быть гонимым
Уж потому, что был еврей.
Душою тонкой наделённый,
Страдал он молча, уязвлённый
Несправедливостью судьбы
И диким варварством толпы.
Он с детства знал, что нет страшнее,
Ругательнее слова нет
(И вам, читатель, не секрет)
Чем слово "жид" - ярлык еврея.
И сколько раз избитый в кровь

Он слышал это слово вновь...

6.

Он шёл домой. Но там, как всюду,

Покой присниться только мог.

Скандальный отчим бил посуду,

Когда не в шутку занемог.

А чтоб народ его слышал,

Он шире окна открывал.

Толпа собиралась под окном.

Ещё минута... Кто-то в дом

Уж камень бросил. Затем второй.

Мать плачет: "Боже, что за стыд!"

Евгений жалобно скулит,

Зарывшись к ней в колени с головой...

Толпа, натешившись, ушла.

И мать решение приняла.

7.

"Борис,- сказала она мужу,

Когда к утру он присмирел

И как мальчишка, севший в лужу,

Ей жалобно в глаза глядел,

- Прощала много раз и что же?

Что изменилось? Разве гоже
Вести себя, как ты ведёшь?
Каким ты был - таким умрёшь.
Твоя судьба была ужасной:
Семью ты потерял в войну.
Но одного я не пойму,
Зачем ты делаешь напрасной
Их гибель, разрушая вновь
Надежду, веру и любовь."

8.

"Прости меня,- Борис взмолился.
- Прости меня в последний раз.
Комок я нервов. Износился...
Не для себя прошу - для нас."
- "Для нас? Да как ты только смеешь
Сказать такое? Ты умеешь
Бросать слова на ветер вдруг.
Не правда ли, мой "милый друг"?
Сидишь ты дома без работы
И не пытаешься искать.
Работать - мне, тебе - играть.
Я деньги приношу, ты - ноты.

Быть может, ты и музыкант.

А я? Служанка? Адъютант?

9.

Сперва надежду я имела,

Что другом ты войдёшь в семью.

Для сына я отца хотела,

Чтоб легче было жить ему.

Хотела помощи и ласки.

Встречать хотела без опаски

Я новый день. И ночью чтоб

Тоски не чувствовать озноб.

Что ж я нашла? Одну суровость

И ощущение пустоты.

Нет сострадания, доброты.

Зато есть хамство и жестокость."

Жестокость испытал не раз

Онегин. Вот его рассказ...

Рассказ Онегина

10.

"Я помню, как-то раз с работы

Пришла мать не одна, а с ним.

Она смеялась отчего-то,
А он был тих и нелюдим.
Его лицо не отражало
Никаких эмоций. Он вяло
Пожал мне руку и сказал:
"Борис Ефимович Шагал."
Затем добавил: "Не художник.
Не тот, который знаменит."
А я подумал: "Он острит -
Полу-ханжа, полу-безбожник."
Потом добавил скромно он,
Что жизнь его - аккордеон.

11.

Весь вечер музыка звучала.
И он играл бы до утра.
Но в дверь соседка постучала,
Сказав, что спать давно пора.
Что квартира коммунальная,
А мы просто ненормальные.
"Племя всё такое ваше
(Сарры, Хайки и Абраши):
Все - музыканты иль докторá.

Детей суёте в институт.
А мы - простой российский люд:
Не лезем мы в профессорá.
... И не пихайте меня в спину,
А уезжайте в Палестину!"

12.

Играл он вообще-то неплохо -
Я вам по-честному скажу
(Соседке бы не надо охать).
И просто я с ума схожу
Понять пытаюсь, за что она,
Свирепой злобою полна,
Нас отправляла в Палестину.
Хотел бы знать первопричину
Я сей вражды закоренелой.
Но не об этом мой рассказ.
Вернусь к Борису я сейчас.
О ней же - позже (между делом).
Ведь человек она чужой,
А "дядя Боря" - папа мой...

13.

Да, в тот же вечер мать сказала,

Что будет у меня отец,
Что выйти замуж за Шагала
Она решилась, наконец.
Хотя он не был у нас дома,
Уже давно они знакомы.
Что есть у "дяди Бори" мать.
Что бабушкой могу я звать
Её... Не скрою, я счастлив был:
Семью я получил в момент
(Простите этот сентимент).
Не зная их, уже любил
"Отца" и "бабушку" (ей-ей!),
Не ведая судьбы своей...

14.

Когда я приходил со школы
И начинал играть в войну,
Был дядя Боря недоволен
И требовал, чтоб тишину
Не нарушал я, потому как он
Играет. Я знал, что только сон
(Ни что другое - даже мать!)
Игру его мог оборвать.

Когда же брался я за книжку,
Он говорил: "Иди постой
За сахаром и за мукой",
Протягивая мне записку
С напоминанием, что купить.
Да, впрочем, что там говорить...

15.

Стоять в очередях мне стало
Весьма привычным с ранних лет.
Я помню, как лет в семь, бывало,
Я (крошечный, как шпингалет)
Стоял часами терпеливо.
Для всех вокруг я был как диво:
-"Смотрите, как малыш дрожит
От холода. Он здесь стоит
уже, наверно, часов пять..."
-"Иди погрейся, паренёк!"
-"На, милый, съешь-ка пирожок."
-"Да что забыла тебя мать?"
Я тихо плакал, но стоял
Пока муку не получал.

16.

Однажды ехал я домой
С бидоном, полным молока.
То было раннею весной:
В начале дня сквозь облака
Пробилась лучиков армада
Над зябким, снежным Ленинградом.
Снег начал таять. Ручейки
По тротуарам потекли.
Но к вечеру мороз коварный
Ударил с новой силой вдруг -
Заледенело всё вокруг.
И улица как своенравный
Конь себя мгновенно повела,
Отважных выбивая из седла.

17.

Трамвай почти остановился.
Я спрыгнул, чтоб на другой успеть.
Но слишком, видно, торопился:
Упал, услышав как греметь
Бидон мой начал по асфальту.
Скользя (почти проделав сальто),
Пытался я схватить его.

А молоко текло, текло...
Растрёпанный, с пустым бидоном
Устало плёлся я домой.
Дома сгрудились надо мной,
Как великаны перед гномом.
В квартиру я вошёл без сил.
Но дядя Боря лишь спросил:

18.

- "Ты молоко принёс, Евгений?"
-"Нет, потому..." - "Молчи, щенок!
Я не желаю объяснений.
И мне не нужен слов поток.
Упал? Разлил? Иди обратно!
В другой раз будет неповадно
С трамвая прыгать на ходу."
Заплакал я: "Нет, не пойду!
Идите сами. Я устал."
- "Я покажу, как возражать!"
И стал меня он избивать,
Крича: "Бандит, наглец, нахал!"
Кто знает, чтоб со мною случилось,
Когда б соседка не вмешалась...

19.

Да, та самая соседка, кто
Когда-то в Палестину нас
Отправить так хотела. Но
С годами интерес угас,
А, может быть, исчез бесследно.
Я не скажу, чтоб беззаветно
Евреев полюбила вдруг,
Но в тот момент она, как друг,
Вступилась за меня отважно:
Ворвавшись в комнату с ухватом,
Покрыв Шагала русским матом,
Она сказала очень важно,
Что если не уймётся он,
Погиб его аккордеон.

20.

Удар был точен, и сдался зверь:
Он выпустил из лап добычу.
Я тут же выскочил за дверь,
Ещё от боли тихо хныча.
Сбежал по лестнице и вот уж
Скольжу по гляncу мёрзлых луж.

Бегу, куда глаза глядят,
Не думая - как автомат.
Душа томится, плачет, стонет.
И сердце рвётся из груди.
И тело просится уйти
Туда, где мысли не догонят.
Но те же мысли лезут снова...
Однако, автор просит слова."

21.

Читатель вправе нас спросить,
Где мать Онегина была,
И почему же защитить
От мужа сына не могла.
Но вспомните, друзья мои,
Она - кормилица семьи.
Работала всегда как вол,
Не видя этот произвол.
С работы поздно возвращалась
Уставшая, совсем без сил.
Борис был с ней довольно мил.
На сына мало оставалось
Времени, чтоб с ним поговорить:

Услышать и понять, и подбодрить.

22.

Онегин выстрадал немало,
Пока мать к выводу пришла,
Что час пробил, пора настала
Быть твёрдой - и она была.
Читатель, вспомни тот скандал,
Что я недавно описал,
Когда решила мать: "Пора
Изгнать Бориса со двора."
Прощенья тщетно он искал.
Ничто теперь не помогало:
Изгнание Шагала ждало.
Тогда он драму разыграл,
Чтоб вызвать жалость, снисхожденье,
Свои грехи предав забвенью.

23.

В тот день мать вовсе не работала
И вышла погулять чуть-чуть.
В мозгу Бориса мысль сработала
(И надо было же смекнуть!)
Самоубийство разыграть:

Не умереть, но напугать
Жену. И тем её заставить
Его не выгонять - оставить...
Он встал на стул и люстру снял.
И простыню к крюку подвесил.
Он всё продумал, всё он взвесил.
Затем записку написал:
"Не в силах жить один, страдая,
Я выбрал смерть. Прощай, родная!"

24.

С петлёй на шее он стоял
На стуле тихо и ждал жену.
Когда ж шаги за дверью услышал,
Он захрипел, нарушив тишину.
Зажмурившись, он прыгнул и повис -
Она ворвалась в комнату: "Борис!"
В истерике забилась мать,
Соседа громко стала звать.
Тот прибежал. Бориса сняли.
Примчалась "скорая" в момент.
Был оживлён наш пациент,
Затем его в больницу взяли...

Конечно, был Шагал спасён

И даже матерью прощён.

25.

Печально жизнь текла, но всё же

Онегину случилось быть

Весёлым (и счастливым тоже),

Когда, казалось, покорить

Саму вселенную он может.

Когда тоска уже не гложет.

Когда, захваченный игрой

С дворовой дружной детворой,

Он забывал шпану, Бориса.

Когда, смотря трофейный фильм,

Он был красив, непобедим,

Скача в горах среди кипарисов.

Когда, романом поглощён,

Над книгой забывался он.

26.

Он наслаждался Мопассаном,

Стендалем, Драйзером, Гюго,

Дюма, Жюль Верном, Томас Манном

(Не пропустить бы мне кого).

Читал он Цвейга с упоением.
С каким-то странным удивлением
Он поклонялся Бальзаку.
И чувствовал себя в долгу
Пред Пушкиным, чей чистый гений
Татьяны образ сотворил.
Онегин наш её любил
Без колебаний, без сомнений.
И он хмелел, он был как пьяный,
Когда читал "Письмо Татьяны".

27.

Письмо Татьяны повлияло
На него невероятно.
Оно буквально побуждало
Его ответить. Приятно
Было думать, как бы он писал,
И что бы он в письме своём сказал.
Излил бы душу он свою,
Закончив: "Я тебя люблю!"
Никто в реальности, однако,
Любовных писем не писал
Онегину. А он искал

Хотя б любви намёка, знака...

Но знак никто не подавал.

И тихо, молча он страдал...

28.

Он был застенчив (робок даже),

Не знал, как разговор начать,

Когда он был представлен Маше

На танцах в школе. И молчать

Евгений продолжал всё время,

Как будто бы проклятья бремя

Не мог он сбросить с плеч своих.

Молчанье тяготило их.

"Рассказывал Сергей мне много

О вашей дружбе", - вдруг Маша

Начала." - "И?" - "Дружба ваша

Необычна. Странная немного.

Вы - антиподы, как ночь и день,

Как кот и мышь, охотник и олень."

29.

Онегин должен был признать

Всю глубину её суждений.

Он часто сам не мог понять

И сам терзался от сомнений,
Не сон ли это: Сергей и он?
Сергей, кто даром наделён
Сердца людские покорять,
Всех девушек в себя влюблять.
Кто сложен, как сам Аполлон.
Гимнаст, художник, пианист,
Наездник и автомобилист -
Такого нет, чего не мог бы он.
И рядом с ним Онегин наш?
Абракадабра! Ералаш!

30.

И тем не менее, их дружба
Была взаимной и большой.
Онегин (по натуре глубже)
Сергею предан был душой.
Но и Сергей, судьбы избранник -
Талантов дивных многогранник,
К Онегину привязан был
И глубоко его ценил.
Он говорил ему, бывало:
"Ты чист, как зеркало. Тебя

Бы в рамку и пыль стирать, любя.

Имею я друзей немало,

Но предадут они в беде.

Ты ж не изменишь мне нигде."

31.

Читатель, верно, догадался,

Что, представляя Женю Маше,

Сергей действительно старался

Помочь Онегину и краше

Жизнь друга сделать, как возможно.

Ведь для него было несложно

Быть щедрым, поделившись тем,

В чём он пресытился совсем.

Он в школе славился как Дон Жуан

(Иль, коль хотите, Казанова).

Сергею всё было не ново.

А друг его ("стеснительный чурбан")

"В девицах" всё - но, видно, уж невмочь.

Ну как тут другу не помочь?

32.

"Чурбан останется чурбаном",-

Онегин сам себе сказал.

Он ощущал себя профаном
Здесь, рядом с Машей, и молчал.
Зачем она его сравнила
С Сергеем? К чему дразнила?
Увы, не всем летать дано -
Кому-то ползать суждено.
Он чувствовал себя ужасно.
Подавленный, угрюмый, злой,
Он был какой-то сам не свой:
Нелепый, жалкий и несчастный.
"Какой ты скучный", - она сказала
И вышла медленно из зала.

33.

В ту ночь не мог заснуть Евгений.
Он думал о превратностях судьбы:
Жизнь нелогична, лотерейна;
Мир не для мира, для борьбы.
Закономерность так случайна:
Она зависит чрезвычайно
От шанса, что не подвластен нам
(А может даже и богам).
Вот, например, вопрос курьёзный:

Как объяснить, что я такой?
Я мог бы быть совсем другой,
Когда отец мой был бы грозный
Царь Иван иль президент страны,
В которой все как будто бы равны.

34.

Я мог бы в древнем Риме быть рождён
Плебеем иль патрицием.
На рудниках работать осуждён
Или служить в милиции.
Когда и где рождённый в пене
Получит те, иные гены -
Всё так случайно, ненадёжно.
И сделать что-то невозможно,
Чтоб повлиять на результат,
Чтоб выиграть в сей лотерее
Жизни. И чтоб в красивом теле
Родился бы не раб - аристократ.
И почему я не Сергей,
А жалкий, маленький еврей?"

35.

"Постой, постой! - прервал себя он вдруг -

Нытьё мне не поможет, право.
И если я себе не враг, а друг,
Начать я должен мыслить здраво.
Не унижаться и не жалеть
Себя. Пытаться преодолеть
Все слабости души и тела.
Сначала, может, неумело.
Но постепенно научиться
Анализировать спокойно
Всё, что болит. Затем достойно
Действовать, чтоб излечиться,
Саму судьбу перехитрив -
Себя улучшив, изменив.

36.

У каждого свои пределы.
Не всё способен я достичь.
Как б ни старался, что б ни делал,
Талант Сергея не постичь.
Ему дано всё от природы.
Напрасно я потрачу годы,
Пытаясь состязаться с ним,
Тщеславием своим гоним.

Кому, зачем всё это надо?

Нет, я не гений - я иной.

Но не такой уж я дурной -

Иначе б не хватал награды

По всем предметам каждый год

(А было б всё наоборот).

37.

Но как, с кого пример мне брать,

Чтоб цель была бы достижима?

Каким хотелось бы мне стать,

Чтоб жизнь не проходила мимо?

Живя в середине двадцатого века,

Каким я мыслю себе человека?.."

"Каким я мыслю себе человека?"

"Каким я мыслю себе человека?"

Фраза звучала опять и опять,

Заполнив Онегина всё существо.

Он чувствовал жизнь, её торжество,

Потребность творить, потребность писать.

Казалось, что слова просились в бой.

И он скомандовал: "За мной!"

Поэтический манифест юного Онегина

38.

"Каким я мыслю себе человека?
На это трудно ответить так сразу.
Трудно найти подходящую фразу.
Трудно решить, имею ль я право,
Забыв предрассудки, обычаи, нравы,
Судить о гиганте великой вселенной.
Не буду ль казаться песчинкой презренной,
Посмешищем жалким, убогим калекой?
Ведь чтобы судить, надо быть Человеком!
Но всё же попробую слово сказать.
Быть может, о нём никто не узнает.
Не каждый умеет себя показать,
Хоть каждый, наверно, об этом мечтает.

39.

Чуть не с рожденья мы в зеркало
смотримся:
Жаждем увидеть создание небесное.
Мы мажемся, пыжимся, пудримся, моемся.
За красоту свою тщетно мы боремся.
А видим (да что: "Замолчи!" От себя ведь не
скроемся)

Всё то же: серое, неинтересное.
Тогда начинаем искать мы задатки
К живописи, пению, бумагомаранию.
Гнём себе спину в бесплодном старании,
Даём своей совести обильные взятки,
Сами с собой играем мы в прятки
И разжигаем наши желания. -
Напрасны потуги, напрасны терзания:
Минуя расцвет, мы придём к увяданию.

40.

Есть, была и будет всегда
Одна красота - красота труда.
Красота упорства, настойчивости, воли.
Красота, не боящаяся пыток и боли.
Красота мужества, смелых дерзаний.
Красота души, мастерства и знаний.
Красота, что поможет тем, кто в беде,
На суше и в море - всегда и везде.
Красота, что не стонет, не плачет, не ноет.
Красота, которая создаёт и строит.
Красота, которая всем подвластна -
Даже убогим и самым несчастным.

41.

Каким же я мыслю себе человека?

Не нужно бояться ответ найти сразу.

Не нужно искать подходящую фразу.

Не нужно решать, имею ль я право,

Забыв предрассудки, обычаи, нравы,

Судить о гиганте великой вселенной,

Считая себя лишь песчинкой презренной,

Посмешищем жалким, убогим калекой.

Нужно стараться стать Человеком!"

42.

Своей поэмой вдохновлённый,

Он принцип жизни начертал.

Отныне целеустремлённо

Он улучшать себя желал.

Что б ни случилось, он теперь

Осознавал, что без потерь

Жизнь не прожить, и потому

Страдать и плакать ни к чему.

Анализируя день свой

И подмечая всё, чем он

Был недоволен, удручён

(Случившимся или собой),
Решал, что можно изменить,
В чём приспособиться, как жить.

43.

Себя хотел он улучшать,
Чтоб стать достойным гражданином
Своей страны. Чтобы отчизна-мать
Гордилась бы прекрасным сыном.
Хоть Сталин был разоблачён
И в преступленьях уличён,
Онегин верить продолжал
В саму систему и считал,
Что коммунизм построен будет,
Где все (от зама до завмага)
Работают стране на благо.
И изобилие наступит
В стране великого труда
Для всех, во всём и навсегда.

44.

Хоть жизнь его была сурова,
Онегин верил в доброту.
Он свято верил в силу слова,

Статей газетных правоту.
С Сергеем спорил он немало
И говорил, что непристало
Ему страну свою ругать,
Народ советский осуждать.
"Не верю я в людей, Онегин, -
Сергей, бывало, говорил, -
Будь то злодей иль тот, кто мил,
Не даст тебе он даже снега
За красоту твоих идей.
Не жду добра я от людей.

45.

Так легче жить, поверь мне, друг.
Что не имел, ты не теряешь.
Надежда не исчезнет вдруг,
Поскольку ты её не знаешь.
А если жаждешь доброты,
Разочарован будешь ты.
Не жди, не верь и не надейся.
Унизили? Предали? - Смейся,
Что ты предвидел результат.
Что не захвачен ты врасплох

И в этом мире не подох,
Где каждый - "друг, товарищ, брат."
- "Разочарован я тобой",-
Мотнул Онегин головой.

46.

"И всё же ты не прав, Евгений,-
Сергей спокойно возразил. -
Ты полон мук, тревог, сомнений,
Как будто сотню лет прожил.
Хотя ты веришь в идеал,
Счастливым ты пока не стал.
А я (хоть говорю цинично)
Не маюсь и живу отлично.
Идеалист и глуп, и скучен.
Над ним смеются, его бьют,
Используют, в лицо плюют.
Когда уж будешь ты научен
Жизнью и людьми, приятель?
(Да помоги тебе создатель!..)"

47.

Предела нет очарованьям.
Наивности предела нет.

Предавшись сладостным мечтаньям,
Он в тьме крошечной видел свет.
Себя он видел неизменно
Охваченным в делах вселенной.
Он думал, что ему дано
Создать волшебное окно:
Большой экран с картиной мира.
В ней две шкалы пересеклись -
В той точке, где Москва, Париж
Иль горы снежного Памира.
Любое место выбирай:
Нью-Йорк, Одессу иль Шанхай.

48.

Вот город выбран. И Онегин,
Масштаб большой установив,
В томлении и сладкой неге,
Как акт любовный совершив,
На кнопку мягко нажимает
И тем систему запускает.
И карта города в момент
Неоновый бросает свет.
И улиц, площадей названья

И прочитав, и изучив,
Момент удобный улучив,
Он продолжает изысканья.
И стрелы двух координат
За ним по городу летят.

49.

Он улицу любую может
Приблизить, рассмотреть, понять.
И дом любой способен тоже
Он на экране обыграть:
Увидеть спереди и сзади
Во всей красе, во всём наряде.
Он может даже внутрь зайти
И задержаться на пути:
Любую комнату увидеть,
Людей тамошних наблюдать
И вместе с ними, так сказать,
Любить, страдать и ненавидеть.
И сквозь волшебное окно
Весь мир познать ему дано.

50.

Он рассуждал всегда логично,

Умел рассказывать легко.
Он памятью владел отличной
И факты лились из него,
Как жидкость, бьющая из крана:
События, года и страны;
Где, что, и имена людей;
Названья улиц, площадей.
История в нём оживала
И за собой людей вела.
И философия цвела
И даже часто вдохновляла,
Когда, забыв про всё вокруг,
В мечту он погружался вдруг.

51.

Ин.яз. - лишь лёгкая разминка,
А не предмет и не нагрузка.
Он по-немецки без запинки
Читал почти как и по-русски.
Гуманитарные предметы
Он обожал - как все поэты.
И мысли выражал красиво:
Изящно, весело, игриво.

Застенчивый, он вместе с тем
Всегда рассказывал охотно.
И остроумьем мимолётным
Он мог блеснуть хоть перед кем.
И в сферах, где он был силен,
Другим помочь готов был он.

52.

Он никогда не зазнавался,
С душой открытой шёл ко всем.
Всегда он мило улыбался
Чтоб ни случилось перед тем.
Свои душевные сомненья,
Переживанья, потрясенья
Навязывать другим не смел -
Стеснялся или не хотел
Проблемы вешать на кого-то,
Поскольку ясно сознавал,
Что жизнь отнюдь не карнавал:
У каждого свои заботы.
И был приятен потому
Друзьям он многим в ту пору.

53.

Шли дни, недели. Приближалась
Пора экзаменов на зрелость.
Эпоха школьная кончалась.
Онегину уж не терпелось
Быстрее этап сей завершить
И аттестат свой получить.
Скорей бы сбросить этот груз!
А там одна дорога - в вуз.
А если сдаст на все пятёрки
(Что для него вполне возможно),
То в институт попасть несложно -
Без конкурса, без нервотрёпки.
"Что ж, за работу",- промолвил он.
Но зазвонил вдруг телефон.

54.

- "Привет, Онегин! Как живёшь?"
- "Кто говорит?" - спросил Евгений.
- "Уже забыл? Не узнаёшь?"
- "Неужто Маша?" - "Да ты гений!"
- "Могу я чем-то быть полезен?"
- "Да. Будь, пожалуйста, любезен
Не быть таким официальным,

Таким холодным и формальным."

- "Прости, но ты сама сказала:

Неинтересен я тебе.

Обиды не держу в себе.

Но мне, конечно, не пристало

Надеяться (в том нет сомненья)

На дружеские отношенья."

55.

- "Да брось ты, Женька! Всё совсем не так.

Меня ты разозлил своим молчаньем.

Ты был надутый, как гусак.

А я ждала тепла, вниманья."

- "Что слышу я? Возможно ль это?

Не знал я твоего секрета.

Ведь, Маша, я тогда молчал

Лишь потому, что я считал,

Что я тебе совсем не пара.

Что я лишь раб, слуга, плебей

Пред Клеопатрою своей.

И ждал я окрика, удара

(Не пониманья и тепла).

...И что же ты во мне нашла?"

56.

- "Какой же странный ты, Евгений.

Себя не ценишь, а меж тем

Друзья считают, что ты гений.

Твой мозг - на зависть им. Затем

Ты добрый, честный и не прочь

Любому, кто в беде, помочь.

Ты в чём-то, может, неумелый,

Не сильный и не очень смелый.

Зато душа твоя открыта

Для дружбы, чести и любви.

Воистину, в твоей крови

Всё то, что многими забыто.

И ты красив. Твои глаза,

Увидев раз, забыть нельзя."

57.

Онегин был ошеломлён:

Он спит иль это наяву?

Не мог поверить в счастье он -

Всё только кажется ему.

Неужто нравится он Маше?

Ведь для него она всех краше,

Всех благороднее, умнее.
Он просто очарован ею.
И, чувствуя, что он влюблён,
Онегин радостно смеётся.
Ему теперь уже неймётся
Её увидеть. Он пленён
Её словами, ей самой -
Такой волшебной и родной.

58.

По городу они гуляют,
Забыв о времени совсем.
Счастливые, не наблюдают
Часов они. А между тем,
Над Пушкиным воспетым градом,
Над Петербургом-Ленинградом,
Спустилась ночь - бела, прозрачна,
Как кружева сорочки брачной.
Всегда прекрасен Ленинград:
И днём и в ночь, зимой и летом
Дворцы изящным силуэтом
Себя выводят на парад,
Чтобы самим покрасоваться

Да на Неву полюбоваться.

59.

Но он в зените своей славы,

Он на вершине красоты,

Когда сей город величавый

Разводит невские мосты.

Гиганты, потянувшись, встали

(Лежать весь день они устали).

И каждый чувствует сейчас

Себя калифом - хоть на час.

И белыми июньскими ночами

Их власть безмерна над толпой:

Не пустят вас они домой,

И вы не захотите сами.

...Однако, где Онегин с Машей?

Последуем за парой нашей.

60.

Найдя уединённую скамейку

Среди дурманящих цветов,

Среди ветвей, ласкающих и цепких,

Среди манящих, дразнящих кустов,

Они укрылись от всего и всех:

Людей, забот, печалей и помех.
Они щебечут весело, беспечно,
Как будто бы друг друга знают вечно.
"Я слышала, что пишешь ты стихи, -
Сказала Маша. - Почитай немного.
Ну, не ломайся, ради бога!
Коль виноват - замаливай грехи."
- "Ну так и быть, прочту. Но лишь одно,
Которое тебе посвящено."

Стихотворение Онегина

61.

"Был грустный день. Ещё не наступила
осень.
Но лето близилось настойчиво к концу.
Холодные дожди стучали по крыльцу.
Сгущались сумерки. Уже пробило восемь.
И мрачная настроенность природы
Закралась в маленький, унылый дачный
дом.
Казалось, он забылся тихим сном,
Укрывшись с головой от непогоды.

62.

Я подошёл к окну. К стеклу лицом
прильнул.
И долго я смотрел на улицу с тоской.
И вдруг мне кто-то помахал рукой
И в темноте сырой мгновенно утонул.
Я распахнул окно, и с ветром ты ворвалась.
И завертелся дом, застывший в забытьи.
И заиграл огонь в нетопленной плите.
И солнце знойным светом засмеялось!"

63.

Онегин замолчал. Тревожно
Он приговора Маши ждал.
Смотря в глаза ей, осторожно
Её ладонь в свою он взял.
Но тут же отпустил обратно,
Пробормотав почти невнятно:
"Прости, быть может я не смею.
Боюсь, не знаю, не умею..."
Но речь бессвязная его
Оборвалась её губами.
Они нашли дорогу сами
К его губам... И больше ничего

Уже не существует. Мир затих,
С улыбкой растворившись в них двоих.

64.

"Идём ко мне, - тихонько шепчет Маша.

- Родители в Крыму - и я одна.

Соседей у нас нет - квартира наша.

И я тобой немножечко пьяна."

И вот они в её квартире,

В богатом и уютном мире

Семьи секретаря горкома.

"Входи, Онегин! Будь как дома."

Онегин поражён и озадачен:

Всё здесь просторно и красиво.

Ковры персидские лениво

С хрустальной люстрой судачат.

Картин диковинная смесь,

И книг в шкафах - не перечеть.

65.

Онегин потрясён до основания:

Не верит, что так люди могут жить.

Он вспоминает матери рыдания,

Когда соседка "убедить"

Пыталась их поехать в Палестину,
Чтоб комнату у них забрать для сына,
Который вырос и жениться хочет
(Не для себя она хлопочет!)

Они и так ютятся друг на друге
В убогой комнатушке впятером,
Где было б тесно и вдвоём...

Но сын мечтает о супруге
И хочет привести её туда
(Она беременна. Вдобавок - сирота.)

66.

При всей нелепости желаний
Чужую комнату занять,
Онегин мог без колебаний,
По-человечески понять
Отчаянье и боль невежды,
Лишённой всяческой надежды
Хоть что-то в жизни изменить,
Чтоб не страдать, а просто жить.

К тому же, сын был алкоголик:
Всё уносил из дома, пропивал.
Напившись, мать родную избивал.

Наутро сам страдал от колик.

Жизнь полная тоски и мук,

Порочный порождала круг.

67.

И после мрака их квартиры,

Печальных лет, пролитых слёз

В злом, тесном, неуютном мире,

Где каждый крест страданий нёс,

Вдруг оказаться в мире сказки!

Ну как тут было без опаски

Поверить в сей волшебный сон?

Онегин (всё ещё смущён)

Стоит, боиться шевельнуться.

Ведь если вместе с этим сном

Исчезнет Маша, что потом?..

Не дай же бог ему проснуться!

Но мысли друга прочитав,

Она приблизилась, сказав:

68.

"Прости меня, пожалуйста, за тупость.

Я не подумала, что может

Кого-то оскорбить не только грубость,

Но и кричащее богатство тоже.
Но не затем, чтобы себя возвысить
Или тебя обидеть и унижить,
Я позвала тебя сюда.
Ты веришь мне? Скажи же? Да?
В конце концов, то не моя заслуга.
Мне просто в жизни повезло:
Одних судьбой в сугробы замело,
Другим же сделана услуга
Самой природой от рожденья -
Слепому случая творенья."

69.

Порывисто и нежно вместе с тем
Обняв её обеими руками,
Онегин помолчал, чтобы затем
Излиться страстными словами:
"О, Маша, милая, родная!
Я верю, убеждён, я знаю:
Твоё рожденье не случайно.
Ведь жизнь моя была печальна,
Пока не встретил я тебя.
Ты осветила мрак вселенной,

Зажгла огонь души нетленной.

И я живу теперь, любя.

Да, я люблю тебя безумно,

Наивно, глупо, безрассудно.

70.

Ты так умна, великодушна,

Так судишь здраво и добра,

Что коль тебе со мной не скучно,

Готов я, право, до утра

С тобой лишь говорить, смеяться

И тихо-тихо любоваться

Твоим лицом - прекрасным, совершенным,

Немножко замкнутым, но не надменным:

Глаза, как у Петра, горят,

Когда он шведов разгромив,

Окно в Европу прорубив,

Задумал свой построить град.

Нос честный, тонкий и прямой

Аристократки молодой.

71.

Закрыты уши волосами

(О них судить я не могу,

Но думаю, что и с ушами
Природа не в большом долгу).
Рот агрессивно-волевой,
Как будто приглашает в бой.
Но губы пухлые твои
Бог создал только для любви.
И волосы к плечам бегут:
Лицо волнами обрамляя
И тем картину завершая,
Они ласкать себя зовут..."
"Довольно слов", - она вздохнула
И телом всем к нему прильнула.

72.

Он завибрировал невольно.
Кровь забурлила, закружилась.
И часть его непроизвольно
Стальной пружиной распрямилась.
Сконфужен он. Себя боится.
Но Машина рука стремится
Как ураган тропический к нему.
Стыдливость им уж больше ни к чему.
Страстей неистовством гонимы,

Одежды бешено срывают
Они друг с друга, устраняя
Последние преграды между ними.
И вот тела слились в экстазе...
(Оставим их на этой фразе).

73.

Любовь, конечно, отвлекала
Их от занятий. Но, меж тем,
Она их мозг соединяла
В интеллигентности тандем.
И после ночи наслаждений,
Любовных клятв и уверений,
Они садились за науку...
Но, боже мой, какая скука
Об этом даже говорить!
Запоминать весь этот вздор
Самим себе наперекор,
Когда так хочется любить,
Ласкать друг друга бесконечно.
Увы, блаженство быстротечно...
74.
Вот ночь пришла - глаза смыкает.

И странный сон в который раз:

Он в вуз, конечно, поступает...

Но слёзы катятся из глаз.

Он сдал экзамены успешно.

Но отчего же безутешный

Онегин снова? Потому,

Что, видно, не везёт ему.

А, может, это не случайно,

Что принят он на факультет,

Где конкурса большого нет,

В числе семи парней печальных,

Кто балл набрал, но от ворот

Им показали поворот.

75.

Все семеро мечтали о Ти-Ви

Во всём его многообразьи.

Но вдруг в ответ: "Что делать? Се ля ви!

Нельзя без телефонной связи.

На телевиденье отбоя нет -

Другой должны вы выбрать факультет.

На вас, конечно, мы не давим

И ни к чему не принуждаем.

Однако, если вы решили
Совет хороший отклонить,
То можете про нас забыть.
(А мы уже про вас забыли.)"
Чтоб институт не оставлять,
Пришлось, увы, совету внять.

76.

Но что всего казалось горше,
Что каждый понимал из них
- Одна причина (и не больше!)
Объединяла семерых.
У остальных с таким же баллом
Проблем, как видно, не бывало:
Их брали на ТВ без споров,
Без шантажа и уговоров.
И только семеро евреев
Отвергнуты решительно...
А, может, просто мнительны
Сии потомки Маккавеев?
Ведь нации у нас равны
По конституции страны.

77.

Печальная семёрка кругом
Сошлась, как будто на убой.
Они равны друг перед другом:
Удел для всех один - плохой.
Где справедливость им искать?
Куда им жалобу подать?
Их в клевете лишь обвинят,
Из института исключат.
При этом скажут им весомо:
"У нас в стране уж много лет
Еврейского вопроса нет.
Вам истина сия знакома.
И чтоб морально вам созреть,
Идите в армию потеть."

78.

Судьба российского еврея
Всегда нелёгкою была.
Но по заветам Моисея
Их сила чудная вела:
Желанье выжить и добиться
Успеха, где другим не снится;
Способности к наукам разным

И нетерпенье к людям праздным;
Уменье побеждать невзгоды,
Решенья быстро находить;
А кто же может позабыть
Упорного ученья годы?
И вопреки законам злым
Удача приходила к ним.

79.

Избитые казацкой плёткой
Под улюлюканье толпы,
Не заливали горе водкой
И не валялись у корчмы.
Искали новые дороги
В печали, в муках, без подмоги.
Страдали, плакали навзрыд.
Познали униженья стыд,
К мучителям приспособляясь.
И выжидали много раз,
Чтобы в один прекрасный час
Подняться снова, улыбаясь...
Народа опыт вспоминая,
Семёрка разошлась, вздыхая...

80.

Уж отдыхать родителям невмочь:

Из Крыма в школу прибывают,

Чтобы увидеть, как их дочь

Златой медалью награждают.

Она смеётся безудержно.

Целует их и обнимает нежно.

Онегин же в большой печали:

Не дотянул он до медали.

Но искренне гордясь за Машу,

С улыбкой смотрит он вперёд.

Толпа вокруг него снуёт,

А он не замечает даже.

"Какая дивная семья", -

Вздыхнул Онегин про себя.

81.

Отец красив, высок и статен.

С достоинством себя ведёт.

Он сдержан, молчалив, галантен.

А мать, скорей, наоборот:

Невысока и суетлива,

Шумна, подвижна и игрива.

- "Кто это там, - мать замечает, -

Уставился на нас - глаз не спускает?"

- "Онегин. Я влюблена в него."

- "Ты шутишь? С каких же это пор?

Отец, ты слышишь, что за вздор

Она несёт! Влюбиться - и в кого?

В того глазастого еврея?!

Что за нелепая затея!"

82.

- "Раиса, ты меня позоришь, -

Отец тихонько прошептал. -

Придём домой - тогда, коль хочешь,

Кричи, устраивай скандал..."

- "Отстань, ты тряпка - не отец!"

- "Да замолчи же, наконец!

Такие речи уж не в моде.

Что будут говорить в народе?"

Их дочь молчит, закрывшись как улитка:

Семейная идиллия распалась.

О, боже! Как вдруг оказалось,

Что мать её антисемитка?

Отец же только озабочен,
Чтоб образ не был опорочен.

83.

Онегину вдруг душно стало.
Хоть слов он их не разбирал,
Но волшебство семьи пропало.
И подсознательно он знал,
Что он причина потрясений:
Семьёй отвергнут, без сомнений.
Идти доказывать? Кому?
Всё это, явно, ни к чему
Не приведёт и не поможет.
Опять он здесь как гость незванный,
Чужой, забытый, нежеланный.
Опять тоска немая гложет.
И в этот просвещённый век
Он снова "лишний человек".

84.

Онегин вышел на дорогу.
Дождь лил, как будто из ведра.
Кому молиться: дьяволу иль богу,
Чтоб светлая вернулась бы пора -

Те дни недавние, когда
Хотелось время навсегда
Остановить в объятиях друг друга,
Чтобы ничто границы круга
Их вселенной не нарушало.
Но внешний мир, предвзятый и чужой,
Холодный, неприветливый и злой,
Ворвался к ним - и тут же всё пропало...
"Нет, не пропало! Без борьбы
Не сдамся я превратностям судьбы."

85.

Подумав так, Онегин уж обратно
Бежит, торопится, спешит.
Он видит Машу у парадной:
Она насуплена, молчит.
Родители ведут её к машине
Торжественно, напыщенно и чинно.
Он подбежал, загородив им путь.
Отец нахмурился чуть-чуть,
А мать воскликнула: "В чём дело?"
И смелостью своею поражён,
"Люблю я Машу!" - выкрикнул вдруг он.

Но мать её уже сумела
Втащить в машину свою дочь,
Ему сказав лишь: "Пошёл прочь!"

86.

Её слова как выстрел прозвучали.
Он ранен был невежеством и злом.
И в глубине своей печали
Мечтал он только об одном:
Уйти, исчезнуть иль забыться.
Не жить, не думать, не стремиться
Ни к идеалу, ни к любви,
Похоронив мечты свои...
Он плёлся поражённый болью:
Сжимало грудь, и всё вокруг кружилось.
Земля куда-то уносилась.
И дождь ему казался кровью.
И улицы кричали во всю мочь:
"Не наш ты! Ты чужой! Пошёл ты прочь!"

